DOI 10.24411/2499-9679-2018-10042
УДК 81.161.1' 367

Н. В. Патроева
https://orcid.org/0000-0003-3836-6393

Обособленные обороты с отрицанием в русском литературном языке середины XVIII – первой половины XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168

Традиционное разделение негативных высказываний на обще- и частноотрицательные учитывает ту позицию, которую занимает в предложении основное средство отрицания – частица *не*. Бинарная оппозиция негативных конструкций не позволяет, однако, адекватно и непротиворечиво оценить статус предложений, содержащих так называемый осложнитель элементарной модели предложения – обособленную синтагму как носитель имплицитной предикативности: структурно-семантическая иерархизация предложения при введении в модель вторично-предикативных элементов формирует потенциальные позиции для выражения общего отрицания на дополнительном пропозициональном и рематическом ярусе. В связи с возникающей при появлении вторично-предикативного элемента у предложения двухъярусностью коммуникативного, семантического и структурного членения в статье предлагается новая классификация, уточняющая традиционное деление предложений на обще- и частноотрицательные путем введения дополнительных рубрик: общеотрицательные первой и второй степени предложения. Наблюдения над предложениями с негативными обособленными синтагмами на материале «Синтаксического словаря русской поэзии» XVIII – первой половины XIX в. показывают, что большинство подобных конструкций характеризуется отношениями обусловленности, складывающимися между основной и добавочной предикациями (каузативно-результативными, уступительными, реже условными или целевыми). Задействованные в организации обособленных групп вербоиды (причастия, деепричастия), адъективы и субстантивы, в отличие от спрягаемых глагольных форм, не имеют парадигматических возможностей для морфологического выражения неиндикативного модального смысла, для установления предполагаемой связи обусловленного и обусловливающего событий. Верным в связи с этим представляется заключение, что именно негативная модальная частица в структуре обособленного оборота является тем языковым средством, которое привносит в осложняющую синтагму требуемый для воплощения идеи обусловленности событий ирреальный смысловой подтекст (вероятности, гипотетичности, оптативности как характеристик добавочной ситуации).

Ключевые слова: синтаксис русского языка, обособленные конструкции, отрицание, отрицательные предложения, синтаксический словарь русской поэзии.

N. V. Patroeva

Isolated Constructions with Negation in the Russian Literary Language of the middle of the XVIII – the first half of the 19th century

The traditional division of negative utterances into general- and private-negatives takes into account the position taken by the main means of negation – the particle *NOT*. The binary opposition of negative constructions does not allow us, however, to assess adequately and consistently the status of the sentences containing the so-called complicator of the elementary model of the sentence – a separate syntagma as a carrier of the implicit predicativity: the structural-semantic hierarchy of the sentence when introduced into the model of the secondary-predicative elements forms potential positions for expressing the common negation on the additional propositional and rhematic layer. Due to the two-layer communicative, semantic and structural division that arises when the second-predicative element appears, the article shows a new classification that clarifies a traditional division of sentences into the general- and private-negative ones by introducing additional columns: the negative sentence of the first and second degree. The observations of the sentences with the negative unattached syntagmas on the material of the «Syntactic Dictionary of the Russian Poetry» of the XVIII – the first half of the XIX century show that most of these constructions are characterized by the conditionality relations that are developed between the basic and additional predicates (causative-resultative, concessive, less often conditional or purpositive). The verboids (participles, gerunds), adjectives and substantives are involved in the organization of the isolated groups; unlike the conjugated verbal forms, they do not have paradigmatic possibilities for the morphological expression of the non-indicative modal meaning for establishing the supposed connection between the determined and determining events.

The correct conclusion in this connection is that it is the negative modal particle in the structure of an unattached phrase is the language means that introduces the unreal notional underlying theme (of probability, hypothetical characters, optativity as the characteristics of the additional situation) required for the implementation of the idea of the conditionality into the complicating syntagma.

Keywords: syntax of the Russian language, isolated constructions, negation, negative sentences, syntactic dictionary of Russian poetry.

© Патроева Н. В., 2018

С 2015 г. при поддержке РГНФ и РФФИ на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета идет работа над словарем синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII – первой половины XIX вв. (в 2017 г. из печати вышел первый том словаря, посвященный синтаксису Антиоха Кантемира и Василия Тредиаковского [18]). Объектом систематизации и описания в «нелексическом» словаре поэтической речи стали простые и сложные предложения, участвующие в построении стихотворных текстов, поэтому синтаксический словарь русской поэзии по своему предназначению является сводным писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка пушкинской поры в целом (поскольку преобладающими жанрами данного периода были именно поэтические жанры) и представляющим общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии XVIII–XIX вв. в их тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических. Создание словаря готовит необходимые предпосылки для уточнения особенностей синтаксического устройства стихотворного текста, а значит, и содержательного наполнения широко используемого, но не имеющего пока четкой дефиниции термина «поэтический синтаксис», а также для создания в более или менее отдаленном будущем исторической грамматики русского литературного языка ломоносовской, карамзинской и пушкинской эпохи. Кроме того, материалы словаря могут стать хорошим стимулом для продолжения исследований в активно и плодотворно развивающейся в течение последних десятилетий области лингвистики стиха.

Разработанная научным коллективом Петрозаводского государственного университета еще при подготовке к изданию «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» методика лексикографического представления поэтических контекстов предоставляет возможность отбора единиц: 1) по структурной схеме или типологической рубрике (неосложненное или осложненное простое предложение, бинарное или многокомпонентное сложное предложение); 2) по типу синтаксических связей; 3) по виду синтаксических отношений (для сложных предложений); 4) по модальной характеристике; 5) по полноте / недостаточности состава; 6) по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию); 7) по принадлежности к так называемым «элементам текста» (заглавиям, нечленимым, выраженным частицами, междометиями, модальными словами синтагмам, обращениям, сегментам типа именительного или инфинитива темы, парцеллятам, межфразовым парантезам); 8) по соотнесенности с жанром, видом строфы или астрофической композицией, метрической схемой, с указанием наличия анжанбемана; 9) по риторическому приему (фиксируются тропы или фигуры речи).

Примененная в настоящем лексикографическом опыте традиционная грамматическая классификация, разумеется, давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта нередко приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями – примерами как структурной, так и семантической контаминации (конденсации, «компрессии» лирического текста). Например, принятия специальных решений требовал и такой, казалось бы, вполне очевидный, вопрос, как модальная характеристика предложений с обособленными оборотами, содержащими негацию: традиционно предложения делятся на обще- и частноотрицательные, в зависимости от того, к предикату или иному члену предложения относится частица *не*.

«Отрицание в языке – одна из важнейших проблем общего языкознания, прежде всего в плане именно соотношения <…> структуры предложения и выражаемой им мысли. Издавна отрицание было объектом исследования форм логики и лингвистики. И тем не менее проблема отрицания исследована еще недостаточно» [3, с. 3], – это высказанное почти три десятилетия назад замечание представителя отечественной академической науки В. Н. Бондаренко, на наш взгляд, не утратило своей актуальности за прошедшие годы (об этом ярко говорит количество отечественных и зарубежных статей и монографий, появившихся за последние четыре десятилетия – см., напр.: [4–8, 10, 20–26]), несмотря на то что разделение предложений по общему модальному значению на утвердительные и отрицательные давно стало общим местом в традиционных синтаксических классификациях (один из последних опытов, напр.: [19, с. 623]).

Известный представитель русского неограмматизма начала XX в. А. М. Пешковский первым перенес «категорию отрицания» из области логи-

ки в сферу синтаксиса русского языка, указав при этом, что «сущность этой категории, имеющей колоссальное психологическое и главным образом логическое значение.., с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, то есть сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» [15, с. 386]. Получившее известность со времени выхода в свет «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского противопоставление обще- и частноотрицательных высказываний в формальном отношении зависит от того, какое место занимает в предложении основное средство отрицания – частица *не*: в случае локализации негативной частицы перед сказуемым двусоставного предложения или при главном компоненте односоставной конструкции возникает общее отрицание; постановка *не* перед любым другим членом предложения порождает частное отрицание, что свидетельствует о тесной связи негации с анализируемой в той же работе А. М. Пешковским категорией сказуемости. С точки зрения коммуникативной грамматики, тип отрицательного значения обусловлен актуальным членением: средство отрицания подчеркивает рематический элемент высказывания. В терминах современного семантического синтаксиса, постановка *не* в предикате высказывания, являющемся основным выразителем главной пропозиции («положения дел», о котором сообщается в предложении), создает общее, или полное, отрицание. Отрицание частного характера распространяется на непредикатные позиции субъекта, объекта, атрибута или сирконстанта.

В научной литературе уже высказывались критические замечания в отношении этой бинарной классификации отрицательных предложений, проводящейся исключительно в связи с положением негативной частицы при сказуемом или же не при сказуемом: «В анализируемой концепции разграничение „общего” и „частного” отрицания производится только на <…> синтаксическом уровне членения предложений, и практически не учитывается семантический критерий» [3, с. 150]. Освященная традицией бинарная оппозиция негативных конструкций не позволяет, на наш взгляд, например, четко и непротиворечиво оценить статус предложений, содержащих так называемый осложнитель элементарной модели высказывания – обособленную синтагму как носитель имплицитной (вторичной, скрытой) предикативности. Например: *Поодаль музы между тем, Таяся в сумраке дубравы, Глядят,* ***не зримые никем****, На их невинные забавы…* (Баратынский). В учебной литературе по синтаксису русского языка анализ роли отрицательной частицы при различного рода осложняющих обособленных синтагмах вообще не представлен. В научной литературе содержатся только спорадические, краткие указания на статус негации при обособленных элементах: так, Е. В. Падучева относит конструкции типа *Принимаются люди, не умеющие плавать* к «семантически частноотрицательным предложениям с присловным отрицанием» [11, с. 151]. И. М. Богуславский указывает, что деепричастия несовершенного вида со значением образа действия допускают как не противопоставительное, так и противопоставительное отрицание; деепричастия несовершенного вида со значением времени допускают только противопоставительное отрицание [2, с. 72]. Зададимся в связи с этим вопросом, каков статус негации при элементе, вводящем в предложение номинацию добавочной пропозиции (ситуации), и рассмотрим далее, какое грамматическое значение получает содержащий частицу *не* обособленный оборот, на материале включенных в синтаксический поэтический словарь конструкций.

В обособленных оборотах, содержащих негативную частицу, мы имеем дело, скорее, с общим отрицанием, но на дополнительном ярусе синтаксической иерархии, поэтому в словаре негация в обособленных вторично-предикативных, или полупредикативных, в терминах В. В. Виноградова, оборотах характеризуется нами как общее отрицание второй степени в отличие от общего отрицания первой степени, выражаемого предикатом (см. подробнее об общем отрицании второй степени, выражаемом обособленными конструкциями, в работе [12]): *Иной, последуя несчастливой охоте, С своею музою ползет в пыли и в поте И,* ***грубости своей не чувствуючи сам****, Дивится прибранным на рифму он стихам* (М. М. Херасков). Квалификация подобной синтагмы как примера частного, а не общего отрицания не позволила бы разграничить обычные второстепенные члены предложения и осложняющие модель полупредикативные компоненты, обладающие целым набором параметров, отличающим их от обычных распространителей предикативного центра (определений, дополнений, обстоятельств).

Поскольку в осложненном предложении присутствуют как минимум две пропозициональных номинации, семантическая, коммуникативная и грамматическая структуры предложения оказы-

ваются двухъярусными: на первом уровне синтаксических связей и отношений выявляется негативное значение основного предикативного признака (= рема *1*), а на втором ярусе структурно-семантического членения полупредикативный оборот с частицей *не* содержит отрицание вторичной предикации (= рема *2*). При этом обособленный оборот демонстрирует негацию общего плана, но выявляемую при добавочной предикации, которая путем трансформации согласно применявшемуся Л. В. Щербой методу лингвистического эксперимента может быть преобразована в основную: **Так как сам своей грубости не чувствует, то дивится прибранным на рифму стихам*. Подобное условное преобразование ярко выявляет скрытую полимодальность, полипропозитивность, полирематичность простого, с точки зрения традиционной формально-грамматической классификации, предложения, осложненного обособленным оборотом.

В связи с возникающим при появлении вторично-предикативного элемента углублением семантической, коммуникативной и грамматической структур предложения, следовало бы, на наш взгляд, уточнить традиционную схему деления предложений на обще- и частноотрицательные введением дополнительных рубрик:

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

/ \

общеотрицательные **частноотрицательные**

/ \

первой степени *второй степени*

Наблюдения над предложениями с негативными обособленными синтагмами показывают (см. *Таблицу 1*, в которую включены количественные данные, основанные на анализе материалов только опубликованного первого и подготовленных к печати второго и третьего томов словаря, посвященных синтаксису А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова и А. Сумарокова: первая цифра в скобках означает процентное соотношение по горизонтали, вторая – по вертикали), что подавляющее большинство подобных конструкций характеризуются отношениями обусловленности (каузативно-результативными, уступительными, реже условными или целевыми), складывающимися между основной и добавочной предикациями и наслаивающимися в качестве дополнительных оттенков («обертонов») на значения иного рода – атрибутивные (у причастных, субстантивных и адъективных оборотов), таксисные (у деепричастных и причастных синтагм). Например: *Там можно пошептать в беседах И,* ***казни не боясь****, в обедах За здравие царей не пить* (Державин); *…* ***не терпящая смешенья В слепых стихиях вещества****, На хаос нравственный возренья Не бросит мудрость божества?* (Баратынский); *Но* ***не нашед блаженства ваших дней****, Вы встретили по крайней мере славу…* (Пушкин). У более чем четверти негативных оборотов совмещаются причинно-следственные оттенки с функцией присоединения добавочного замечания, поэтому возможна трансформация оборота в часть сложной конструкции с релятом *(так что даже и*, например: *… нужно потащиться Из дому в дом на поклон, в передних томиться, Утро все торча в ногах с холопы в беседе,* ***Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея*** (Кантемир); *Часто счастливый случай, что у пальцев края Моих лежал, упустил,* ***не посмев вжать в руку****…* (Кантемир).

Таблица 1

Предложения с негативными обособленными синтагмами

Тип обособленной синтагмы	Тип грамматического значения оборота						*ВСЕГО*
	причинное	условное	уступительное	целевое	определительное (для причастных и адъективных оборотов собственно атрибутивное, для деепричастных – образа и способа действия)	недифференцированное	
деепричастный оборот	28 (35% / **77%**)	3 (4% / **75%**)	18 (22% / **82%**)	2 (3% / **100%**)	7 (9% / **64%**)	22 (27% / **100%**)	80 (100% / **81%**)
причастный оборот	2 (29 % / **5%**)	1 (13% / **25%**)	2 (29% / **9%**)	-	2 (29% / **18%**)	-	7 (100% / **8%**)
адъективный оборот	7 (64 % / **18%**)	-	2 (18% / **9%**)	-	2 (18% / **18%**)	-	11 (100% /

							11%)
ИТОГО	37 (39% / **100%**)	4 (4% / **100%**)	22 (22% / **100%**)	2 (2% / **100%**)	11 (11% / **11%**)	22 (22% / **100%**)	98 (100% / **100%**)

Как видно из табличных данных, очень редки, по данным «Синтаксического словаря русской поэзии», негативные субстантивные (аппозитивные) обороты: наличие отрицательной частицы здесь всегда сигнализирует о выдвижении на первый план каузативного смысла, объясняющего основную предикацию: ***Не христианин и не раб***, *Прощать обид я не умею (*Рылеев).

Подобные обстоятельственные оттенки значения осложняют смысл и утвердительных обособленных конструкций, но при наличии негативной частицы рядом с опорным словом оборота семантика обусловленности и вследствие этого многозначность обособленной синтагмы возникают *как правило*. Если элементы однородных сочинительных рядов, сопровождаемые отрицательной частицей («НЕ X и НЕ Y», «НЕ X, а Y» и т. п.), расширяют семантическую структуру предложения, находясь на одном с грамматической основой ярусе синтаксического членения, линейными отношениями соединения, со- и противопоставления, отрицание в конструкциях с обособлением носит совершенно иной характер: очевидно, возникающая при появлении в предложении осложнителя элементарной модели иерархичность структуры не терпит паратаксических по своей природе отношений рядоположенности двух и более ситуаций (основного и добавочного предиката) и, напротив, требует гипотаксической, в дополнение к темпоральной (таксисной), взаимосвязи пропозиций, а частица *не* в осложняющей синтагме выступает маркером подобной ситуативной взаимообусловленности и способствует вместе с акцентирующим текстовый фрагмент обособлением структурно-смысловой компрессии текста: *Были же и такие, которы,* ***не зная Радости****, что на сердце у них есть,* ***причины****, «Не приезд ли царевны к нам Екатерины?» –* ***Вопияли*** *от сердца, у всех вопрошая!* (Тредиаковский).

Попутно отметим случаи архаичной уже для языка предломоносовской эпохи, старославянской и греческой по происхождению, мононегативной конструкции (см. подробнее: [16]): *… нужно потащиться Из дому в дом на поклон, в переднях томиться, Утро все торча в ногах с холопы в беседе,* ***Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея*** (Кантемир); *Когда вредить той кому лише сможет, Вредит,* ***никую имея причину***… (Кантемир); *И знал то высшим умом монарх одаренный, Петр, отец наш,* ***никаким трудом утомленный****, Когда труды его нам в пользу были нужны* (Кантемир).

Возникает вопрос: как связаны между собой семантика обусловленности и негация, коль скоро появление частицы НЕ в обороте обычно служит сигналом осложнения смысла добавочным обстоятельственным оттенком? Негация уже сама по себе представляет связь между логическими субъектом и предикатом как не существующую в реальности «здесь» и «сейчас», поэтому со-участие *не* в выражении ирреальных смыслов, тесно связанных со значениями условия, уступки, потенциальной причины, следствия или цели, вполне закономерно (некоторые размышления на тему взаимосвязи негации и каузации представлены в работе: [7]). Задействованные в организации обособленных групп вербоиды (причастия, деепричастия), адъективы и субстантивы, в отличие от спрягаемых глагольных форм, не имеют парадигматических возможностей для морфологического выражения не индикативного модального смысла, для установления предполагаемой связи обусловленного и обусловливающего событий. В обособленные обороты обычно не включаются, в отличие от придаточных частей сложных предложений, и показатели связи – гипотаксические союзы со значением обусловленности. Верным в связи с этим представляется заключение, что именно негативная модальная частица в структуре обособленного оборота является тем языковым средством-маркером, которое привносит в осложняющую синтагму требуемый для воплощения идеи обусловленности событий ирреальный смысловой подтекст (вероятности, гипотетичности, оптативности как характеристик добавочной ситуации, связанной с главной отношениями обусловленности) – ср. с замечанием А. М. Пешковского о том, что отрицательное значение «должно напомнить читателю значение категории косвенных наклонений» [15, с. 387], поскольку в обоих случаях подчеркивается не- / ирреальность связи между подлежащим и сказуемым: *Прочтя мою систему лени, Но* ***неизвестный о друзьях****, По почте мне отправит пени…* (Державин); *И слава возрастет моя,* ***не увядая****…* (Державин); *Наверно льзя сказать,* ***не делая обиды Ретивым господам****, питомцам русских муз, Что должен быть у них и особливый вкус…* (Дмитриев); *Был с нами он,* ***теперь уж не земной****…* (Жуковский); *Но иногда, мечтой воспламененный, Он видит свет,*

другим не откровенный*?* (Баратынский). В приведенных контекстах в осложняющих синтагмах с частицей *не* содержатся номинации ирреальных (об ирреальности конструкций со значением уступки, описывающих нестандартные, с точки зрения говорящего, ситуации, см., напр.: [1]) событий, предстающих в версии субъекта коммуникации как возможные, требуемые, желаемые и при этом обусловливающие те ситуации, которые названы главным компонентом. Выражение частицей *не* значения «неуверенного отрицания, неопределенного признака» [9, с. 213], то есть субъективно-модальных гипотетических смыслов, возможно, например, по данным «Объяснительного словаря русского языка», и в конструкциях иного типа – с повтором лексемы и союзом *а*: *Подхожу и вижу: дом не дом, а какое-то строение*. Персуазивно-модальной семой достоверности / недостоверности сообщаемого обладают также вводные конструкции с частицей *не*: *не спорю*, *не правда ли* и т. п.

Не случайно, на наш взгляд, что негативная частица часто сопровождает при обособлении лексемы со значением мысли или чувства, называющие процессы неверифицируемые, неавтореферентные, то есть события, только предполагаемые уже по самой своей сути, и эта синтаксическая семантика нередко поддерживается лексическим значением вербоида – дериватом ментального глагола: *И будешь помнить прежнюю беспечность,* ***Не зная воскресить****…* (Лермонтов); ***Не зная ничего****, оставленный, забвенный, Ни славы зов, ни голос твой Не возмутит надежный мой покой!* (Лермонтов); *Томлюсь, беспечен и один, Без цели, действий и причин И* ***не надеясь перемены!*** (Языков); *Я,* ***невнимаемый****, довольно награжден За звуки звуками, а за мечты мечтами* (Баратынский).

Отрицание предполагает скрытый диалог, спор, обмен мнениями между адресантом и адресатом речи, в том числе и автокоммуникацию, а также наличие общих «фоновых знаний» о сообщаемом «положении дел», поэтому появление частицы *не* в тексте насыщает его «полифонизмом» (в терминах М. Бахтина), создает подтекст: *Уж он и в комнате, а верная жена Сидит,* ***не думая о нем****, и* ***не одна*** (Дмитриев); *Пламя,* ***не сердце****, билось во мне, И* ***не в персях****, а в целом разлитое теле* (Дельвиг). Например, характеризуя скрепляющий однородные члены показатель связи *не…а / но* в качестве особого, заместительного по значению, союза, В. З. Санников отмечал, что этот прагматически насыщенный союз содержит «элемент полемики говорящего с существующим мнением» [17, с. 335].

Если сопоставить регулярность появления обстоятельственного значения у обособленных оборотов утвердительных и отрицательных, то выясняется, что оттенки обусловленности свойственны только не более чем трети осложняющих синтагм без негации (см. подробнее раздел «Таблицы» (таблицы № 5, 14, 21 в [13, с. 60]). Таким образом, структурно-семантическая иерархизация предложения при введении в модель вторично-предикативных элементов формирует потенциальные позиции для выражения общего отрицания на дополнительном модальном, пропозициональном и рематическом ярусе. Появление негативной частицы в обособленных оборотах регулярно связано с формированием отношений обусловленности между основным и вторичным предикатами.

Библиографический список

1. Апресян, В. Ю. Уступительность как способ говорить о будущем [Текст] // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Изд-во «Индрик», 2011. – С. 16–21.

2. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов [Текст] / И. М. Богуславский. – М. : Наука, 1985. – 175 с.

3. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 212 с.

4. Волошина, Т. Г., Шейфель, Н. А. Отрицательные конструкции в английском языке: некоторые особенности развития мононегативности [Текст] / Т. Г. Волошина, Н. А. Шейфель // Новая наука: От идеи к результату. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 128–130.

5. Лиходкина, И. А. Отрицательные конструкции во французском языке и особенности их передачи на русский, итальянский и английский языки [Текст] // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 10. – С. 200–205.

6. Логический анализ языка. Ассерция и негация [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – 560 с.

7. Малинович, М. В., Малинович, Ю. М. Ассерция. Негация. Причинность [Текст] // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 34–43.

8. Маркова, Н. В. Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современном севернорусском говоре [Текст] / Н. В. Маркова // Севернорусские говоры. – 2010. –№ 11. – С. 25–33.

9. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные,

связочные глаголы [Текст] / под ред. В. В. Морковкина. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 421 с.

10. Озолинь, Л. В. Отрицательные конструкции: способы и средства выражения отрицания в орокском и русском языке [Текст] // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 3 (19). – С. 42–48.

11. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 292 с.

12. Патроева, Н. В. Отрицательные вторично-предикативные конструкции [Текст] // Русский язык в школе. – 2011. – № 10. – С. 57–61.

13. Патроева, Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения [Текст] / Н. В. Патроева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – 334 с.

14.Патроева, Н. В. Русское осложненное предложение [Текст] : учебное пособие : в 3-х ч. : Ч. 1 / Н. В. Патроева. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. – 60 с.

15. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.

16. Савельева, Л. В. Формы отрицания в русском языке донационального периода [Текст] / Л. В. Савельева; науч. ред. Н. А. Мещерский; Петрозаводский госуниверситет им. О. В. Куусинена. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 159 с.

17. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве [Текст] / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 624 с

18. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. : Т. 1 [Текст] / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. – 578 с.

19. Современный русский литературный язык [Текст] : учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин / под ред. П. А. Леканта. – М. : Аст-Пресс Книга, 2013. – 766 с.

20. Штернина, Е. С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект [Текст] / Е. С. Штернина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9. – Ч. 2. – С. 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus internationalisfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – 667 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresjan, V. Ju. Ustupitel'nost' kak sposob govorit' o budushhem [Tekst] // Logicheskij analiz jazyka: Lingvofuturizm. Vzgljad jazyka v budushhee / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Izd-vo «Indrik», 2011. – S. 16–21.

2. Boguslavskij, I. M. Issledovanija po sintaksicheskoj semantike: sfery dejstvija logicheskih slov [Tekst] / I. M. Boguslavskij. – M. : Nauka, 1985. – 175 s.

3. Bondarenko, V. N. Otricanie kak logiko-grammaticheskaja kategorija [Tekst] / V. N. Bondarenko. – M. : Nauka, 1983. – 212 s.

4. Voloshina, T. G., Shejfel', N. A. Otricatel'nye konstrukcii v anglijskom jazyke: nekotorye osobennosti razvitija mononegativnosti [Tekst] / T. G. Voloshina, N. A. Shejfel' // Novaja nauka: Ot idei k rezul'tatu. – 2017. – T. 2. – № 3. – S. 128–130.

5. Lihodkina, I. A. Otricatel'nye konstrukcii vo francuzskom jazyke i osobennosti ih peredachi na russkij, ital'janskij i anglijskij jazyki [Tekst] // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija. – 2016. – № 10. – S. 200–205.

6. Logicheskij analiz jazyka. Assercija i negacija [Tekst] / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Indrik, 2009. – 560 s.

7. Malinovich, M. V., Malinovich, Ju. M. Assercija. Negacija. Prichinnost' [Tekst] // Logicheskij analiz jazyka. Assercija i negacija / otv. red. N. D. Arutjunova. – M. : Indrik, 2009. – S. 34–43.

8. Markova, N. V. Dvusostavnye otricatel'nye bytijnye predlozhenija v odnom sovremennom severnorusskom govore [Tekst] / N. V. Markova // Severnorusskie govory. – 2010. –№ 11. – S. 25–33.

9. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: Strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly [Tekst] / pod red. V. V. Morkovkina. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 421 s.

10. Ozolin', L. V. Otricatel'nye konstrukcii: sposoby i sredstva vyrazhenija otricanija v orokskom i russkom jazyke [Tekst] // Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja. – 2017. – № 3 (19). – S. 42–48.

11. Paducheva, E. V. O semantike sintaksisa (materialy k transformacionnoj grammatike russkogo jazyka) [Tekst] / E. V. Paducheva. – M. : Nauka, 1974. – 292 s.

12. Patroeva, N. V. Otricatel'nye vtorichno-predikativnye konstrukcii [Tekst] // Russkij jazyk v shkole. – 2011. – № 10. – S. 57–61.

13. Patroeva, N. V. Pojeticheskij sintaksis: kategorija oslozhnenija [Tekst] / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2002. – 334 s.

14. Patroeva, N. V. Russkoe oslozhnennoe predlozhenie [Tekst] : uchebnoe posobie : v 3-h ch. : Ch. 1 / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2016. – 60 s.

15. Peshkovskij, A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Tekst] / A. M. Peshkovskij. – M. : Uchpedgiz, 1956. – 512 s.

16. Savel'eva, L. V. Formy otricanija v russkom jazyke donacional'nogo perioda [Tekst] / L. V. Savel'eva; nauch. red. N. A. Meshherskij; Petrozavodskij gosuniversitet im. O. V. Kuusinena. – L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1989. – 159 s.

17. Sannikov, V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Tekst] / V. Z. Sannikov. – M. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. – 624 s

18. Sintaksicheskij slovar' russkoj pojezii XVIII veka : v 4 t. : T. 1 [Tekst] / pod red. N. V. Patroevoj. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 2017. – 578 s.

19. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Tekst] : uchebnik / P. A. Lekant, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, L. P. Krysin / pod red. P. A. Lekanta. – M. : Ast-Press Kniga, 2013. – 766 s.

20. Shternina, E. S. Kategorija otricanija: logiko-lingvisticheskij aspekt [Tekst] / E. S. Shternina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9. – Ch. 2. – S. 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus internationalisfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam: John Benjamins, 2015. – 667 p.

Reference List

1. Apresyan V. Yu. Concession as a way to speak about the future // the Logical analysis of language: Linguofuturizm. A language look in the future. Editor N. D. Arutyunov. – M. : Indrik Publishing House, 2011. – Page 16–21.

2. Boguslavsky I. M. Researches on syntactic semantics: spheres of logical words / I. M. Boguslavsky. – M. : Nauka, 1985. – 175 pages.

3. Bondarenko V. N. Denial as a logical-grammatical category / V. N. Bondarenko. – M. : Nauka, 1983. – 212 pages.

4. Voloshina T. G., Sheyfel N. A. Negative constructions in English: some features of development of mononegativity / T. G. Voloshina, N. A. Sheyfel // New science: From the idea to result. – 2017. – V. 2. – No. 3. – Page 128–130.

5. Likhodkina I. A. Negative constructions in French and feature of their transfer in the Russian, Italian and English languages // the scientific review: humanitarian researches. – 2016. – No. 10. – Page 200–205.

6. Logical analysis of language. Assertion and negation / editor-in-chief N. D. Arutyunov. – M. : Indrik, 2009. – 560 pages.

7. Malinovich M. V., Malinovich Yu. M. Assertion. Negation. Causality // Logical analysis of language. Assertion and negation / editor-in-chief N. D. Arutyunov. – M. : Indrik, 2009. – Page 34–43.

8. Markova N. V. Two-member negative existential sentences in one modern North Russian dialect / N. V. Markova//North Russians dialects. – 2010. – № 11. – Page 25–33.

9. Explanatory dictionary of Russian: Structural words: pretexts, the unions, particles, interjections, parenthesises, pronouns, numerals, copulative verbs / under the editorship of V. V. Morkovkin. – M. : OOO ACT Publishing House, 2003. – 421 pages.

10. Ozolin L. V. Negative designs: ways and means of expression of denial in Orok and Russian // Scientific review of Sayano-Altai. – 2017. – No. 3 (19). – Page 42–48.

11. Paducheva E. V. On semantics of syntax (materials to transformational grammar of Russian) / E. V. Paducheva. – M. : Nauka, 1974. – 292 pages.

12. Patroeva N. V. Negative secondary and predicative constructions // Russky Yazyk v shkole. – 2011. – No. 10. – Page 57–61.

13. Patroeva N. V. Poetic syntax: category of complication / N. V. Patroeva. – Petrozavodsk : PetrSU Publishing House, 2002. – 334 pages.

14. Patroeva, N. V. The Russian complicated sentence: manual: in 3 p: P.1 / N. V. Patropyeva. – Petrozavodsk : PetrSU Publishing House, 2016. – 60 pages.

15. Peshkovsky A. M. The Russian syntax in a scientific view / A. M. Peshkovsky. – M. : Uchpedgiz, 1956. – 512 pages.

16. Savelieva L. V. Denial forms in Russian of the pre-national period / L. V. Savelieva; scientific editor N. A. Meshchersky; Petrozavodsk State University named after O. V. Kuusinen. – L. : Leningrad University Publishing House, 1989. – 159 pages.

17. Sannikov V. Z. The Russian syntax in semantic-pragmatical space / V. Z. Sannikov. – M. : Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2008. – 624 p

18. Syntactic dictionary of the Russian poetry of the 18th century: in 4 v.: V. 1 / under the editorship of N. V. Patroyeva. – SPb. : Dmitry Bulanin, 2017. – 578 pages.

19. Modern Russian literary language: textbook / P. A. Lekant, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, L. P. Krysin / under the editorship of P. A. Lekant. – M. : Ast-Press Kniga, 2013. – 766 pages.

20. Shternina E. S. Category of denial: logic-linguistic aspect / E. S. Shternina // Philological sciences. Questions of the theory and practice. – 2015. – No. 9. – P. 2. – Page 211–214.

21. Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus quintus internationalisfenno-ugristarum. Ikola O. (ed.). Pars VI. – Turku : Suomen Kielen Seura, 1981. – P. 350–355.

22. Dahl O. Typology of sentence negation. Linguistics. – 1979. – Vol. 17. – No. 1–2. – P. 79–106.

23. Honti L. Die Negation im Uralischen I // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 2. – P. 81–96.

24. Honti L. Die Negation im Uralischen II // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 3. – P. 161–176.

25. Honti L. Die Negation im Uralischen III // Linguistica Uralica. – 1997. – No. 4. – P. 241–252.

26. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds). Negation in Uralic Languages. – Amsterdam : John Benjamins, 2015. – 667 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2018
Дата принятия статьи к печати: 16.05.2018